

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 1 (112). С. 148–159.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 1 (112), pp. 148–159.

Научная статья

УДК 811.161.1.04

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-11>

Златоуст конца XVI века как источник данных о развитии русского языка

Елизавета Сергеевна Лихачева

Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова

Архангельск, Россия,

liza.lihachyowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>

Аннотация. Статья посвящена языковым особенностям русского рукописного памятника конца XVI в. – Златоуста – из собрания Архангельского музейного объединения. Исследование языковой специфики рукописи позволяет рассматривать ее как памятник, содержащий убедительные свидетельства тенденций развития русского языка конца XVI в. Таковыми, в частности, выступают преобладание русских написаний над южнославянскими и редкое использование греческих букв (графико-орфографический уровень), постепенная утрата двойственного числа существительных и широкое употребление в тексте бессвязного перфекта (морфологический уровень). Данные, полученные в ходе изучения рукописи, призваны дополнить картину развития русского языка в конце XVI в.

Ключевые слова: древнерусский язык, графико-орфографические особенности, морфологические процессы, рукописи, Златоуст, 16 век

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. В. Ненашевой.

Для цитирования: Лихачева Е. С. Златоуст конца XVI века как источник данных о развитии русского языка // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 1 (112). С. 148–159. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-11>.

Zlatoust of the end of the XVI century as a source of information about the development of the Russian language

Elizaveta S. Likhacheva

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,

Arkhangelsk, Russia,

liza.lihachyowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>

Abstract. The article considers the linguistic features of the Russian monument of the end of the 16th century – Zlatoust stored in the collection of the Arkhangelsk Museum Association. The study of the linguistic specificity of the manuscript allows considering it as a monument that contains numerous and convincing evidence of Russian language development trends in the late 16th century. These, in particular, are the predominance of Russian spellings over South Slavic and the rare use of Greek letters (graphic-orthographic level), the gradual loss of the dual number of nouns and the

widespread use of the perfect forms without connective verb (morphological level). The data obtained during the research contribute to the development of the Russian language in the late 16th century.

Keywords: the Old Russian language, graphic-orthographic features, morphological processes, manuscripts, Zlatoust, the 16th century

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor L. V. Nenasheva.

For citation: Likhacheva E. S. Zlatoust of the end of the XVI century as a source of information about the development of the Russian language. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 1 (112), pp. 148–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-11>.

Введение

Рукописи Златоуста, как и некоторых других типов сборников уставных чтений (например, Апостола, Минси, Лествицы), в рукописных собраниях встречаются нередко. В частности, одна из таких рукописей сейчас находится в г. Архангельске, в собрании Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (КН 398), куда поступила в 2000 г. Рукопись из Музейного объединения является примером Постного Златоуста; однако, в отличие от канонического 65-статьейного Постного Златоуста, данная рукопись содержит 64 статьи, отсутствует слово о блудном сыне. Палеографическое описание данной рукописи представлено в каталоге «Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв.»¹. Филигрانی бумаги Златоуста соответствуют периоду 1581–1600 гг.: «Кувшинчик средней величины с одной ручкой, на крышке корона, увенчанная четырёхлистником» – № 4008 (1581 г.), № 4067 (1588 г.), № 4115 (1596 г.), «Кувшинчик с узким горлом, двумя ручками, украшенный четырёхлистником» №№ 4099, 4132 (1600 г.) (приводим здесь нумерацию филиграней только из альбома Н. П. Лихачёва, хотя исследователь указывает также нумерацию соответствующих филиграней из альбома С. М. Briquet)². Итак, рассматриваемая нами рукопись с большой вероятностью была создана в последней трети XVI в. Златоуст расположен на 261 листе и написан одним почерком – крупным, постепенно переходящим в скоропись, полууставом. Оформление рукописи отличается скромностью: она не содержит миниатюр, орнаментов; единственное украшение Златоуста – тонкие, выделяющиеся на общем фоне рукописи лишь цветом киноварные заглавия и инициалы³.

Если рукопись Златоуста теперь имеет подробное описание (как с палеографической точки зрения, так и со стороны своего содержания), то её языковые особенности до недавнего времени не являлись объектом специального исследования. Такая ситуация с исследованием рукописей имеет объективные, внешнего порядка причины. Изучению письменных памятников препятствуют принятые на данный момент правила хранения рукописей в музейных собраниях, согласно которым доступ к ним

¹ Ненасева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Москва: Северный паломник, 2019. С. 22–26.

² Там же. С. 22.

³ Там же.

исследователей практически невозможен. В то же время рассматриваемая рукопись содержит ценный материал для исследований по истории русского языка; наш интерес к языку Златоуста небезоснователен. Во-первых, язык конца XVI в., уже характеризующийся определённой свободой в сфере деловой письменности, может демонстрировать всё ещё значительную консервативность в памятниках религиозного содержания, каким является Златоуст. С другой стороны, несмотря на приверженность писцов церковных книг принятым прежде языковым нормам, изменения в древнерусском языке, хотя и с опозданием, неизбежно должны были затронуть и данную область письменности. Во-вторых, сакральный текст мог, в целях следования каноническим книжным образцам, сознательно архаизироваться писцом, использующим для этого уже устаревшие к тому времени написания и морфологические формы. Наконец, специфика употребления в памятнике конца XVI в. устаревших написаний может дополнить новыми данными вопрос об архаизации русского письма, которая, согласно исследованиям Л. П. Жуковской, представлена в рукописях указанного временного периода значительно слабее, чем, к примеру, в первой половине столетия¹. Прийти к определённым выводам по этим вопросам можно лишь в результате исследования и последующего описания языка конкретного письменного памятника. Ранее нами были проанализированы и представлены в статье фонетические особенности Златоуста². В данной же работе представим наиболее значительные, на наш взгляд, графико-орфографические и морфологические особенности рукописи. Надеемся, что это краткое описание будет способствовать научному интересу к памятникам XVI в. и дополнит, уточнит сведения о русском языке конца XVI в.

Основная часть

Наше описание начнём с графико-орфографических особенностей Златоуста. Отражение на письме сочетаний редуцированных с плавными между согласными многое может сказать о графико-орфографических принципах писца. В первом типе таких сочетаний редуцированный гласный находится перед плавным согласным. Употребление в них редуцированных гласных после плавных может свидетельствовать об ориентации писца на южнославянские письменные традиции³. В исследуемой рукописи безусловно преобладают древнерусские написания данных сочетаний – с гласными полного образования: гор҃га" (18), ѿсполнѣши (47), на торгоуѣ (52об), во́лцы тѣ҃жцы (87), верхуѣ воды (110), ѿдѣржаннѣ (129об), не молчитѣ (178об), терзѣннѣ (207); нередко после буквы плавного ставится паерок: вол'хвоуѣннѣ (18), ѿпол'нахуѣ (77об),

¹ Жуковская Л. П. О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (На материале проложного жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. Москва: Наука, 1982. С. 29.

² Лихачева Е. С. Отражение некоторых фонетических процессов в Златоусте конца XVI века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 4 (103). С. 66–77.

³ Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва: Древлехранилище, 2000. С. 138.

без дер'зновѣннѧ (100), вседер'житѣ¹ (121), гор'шеѣ бѣса (143), до го'р'ла (180). Изредка встречаются написания с паерком, но вовсе без гласного: возд'ржаниѣ (1), ѡд'ржѣмъ (18), на ѡмѣ д'ржѣте (25), д'ржѣти (132об), сл'нце (170); также в рукописи зафиксированы написания с паерком и редуцированным после буквы плавного: п'рвѣе молиѣти (154).

В другом типе сочетаний редуцированных с плавными буква редуцированного гласного находится после плавного; обычно, в отличие от сочетаний первого типа, написания таких сочетаний в рукописях более последовательны и устойчивы¹. Златоуст в этом плане не является исключением; вместо редуцированных здесь регулярно пишутся буквы гласных полного образования, соответствующие русской орфографической норме: ни пѣ/чѧни ни слѣзъ (11об), волѣ/плотьскиѧ (24), крещѣннѣ (71), сласти плѣскиѧ (95об), кре/стиѧномъ (121об), слезѧми ѡмочи²/ (165об), брови во³/водѧще (178), ѡсто/чѣи крѣвь (206). При этом в рукописи отсутствуют южнославянские написания подобных сочетаний.

Обратим внимание на употребление писцом Златоуста греческих букв и написаний, широкое применение которых может свидетельствовать об архаизации письма. Графему *z* писец использует регулярно, однако в ограниченном количестве корней и слов; как правило, это наречие *зѣло* и существительные *кнѧзь* и *змиѣ*: кнѣѣ влѧсти (6об), кнѣи (19, 37, 174об), ѡ кнѣѣи (57), ѡдъ змиѣ (92), зѣло достохвѧлно (148об), ѡдѣ вѣчеръ зѣло (162об), змиѧ (170об, 171об), зѣло добродѣнъ (212). Изредка *z* пишется в корнях, где происходит вторая палатализация: мнѣзи (12об), мнѣзи во сѧми (82об), нѣзѣ (165); однако безусловно преобладают в рукописи написания подобных корней с буквой *з*: влѧзѣи/слазѣитѣли (59об), нѧ нѣзѣ егѣ (71), вѣзѣи вѣгѣ (84об), нѧ вѣзѣѣ (162об), нѣзе ѡдѣ/ѡмывъ (164об), нѣ/зѣ лѣзѧюще (198об).

Звуковой комплекс [пс] писец Златоуста передаёт на письме исключительно буквенным сочетанием *пс*, вовсе не используя для этого греческую графему *ψ*: пѣти ѣмоу псалѣ/ (73), псѣ же мѣмохо/дѧще, пристѣупѧхоу/во псѣ (137), псал'мѧ тогѣ (149об), псалмы пѣвъ (164об), ѡки псѣ (166об), псѣ лѧютъ (182). Такую же ситуацию наблюдаем и в передаче на письме звукового комплекса [кс], где могла бы быть применена греческая буква *χ*: ѣпѣкопѣ/ѧлександрѣискиѣ (102–102об), на Кѣра ѧлекса"дрѣ/ѣскаго (103), во ѧлекса"дрѣи (154об). Писец Златоуста почти не использует и графему *ν*, которая встречается у него только в существительном *Евангеліе* и в производных от него словах: ѣвѣлѧ моегѣ (20об), ѡ ѣвѣлскиѣ ѡѣказѧни (48), ѣвѣлѣсты (80), ѡ ѣвѣлѧ (85об),

¹ Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Москва: Просвещение, 1990. С. 89.

ѣѣлістѣ (173об), ѣѣліс коѣ почитаніе (180об). Имена *Моисей* и *Кирилл*, а также географические наименования и производные от них, в которых могла бы встретиться *ѣ*, в рукописи Златоуста также пишутся только в русском своём варианте, с буквой *и*: *Моисѣи* (34об), *Моисѣи* (77об), во *ѣгиптѣ* (159об), *сѣтѣ Кириѣла* (183об), *ѣ египѣтскиа работѣ* (194об), *Кириѣла* (195об), во *ѣгипѣ* (205об), *црю египѣтскомѣ* (211об). Отметим также, что из греческих букв наиболее часто и последовательно писец Златоуста использует графему *ѣ* (при этом совсем не применяя *ѣ*): *сѣаго ѣѣрѣма* (15), *просѣируѣ* (33), *ѣѣѣдора Тѣрона* (51), *к' корѣ/нѣѣѣ* (61об), *днѣ ѣѣвралѣ* (111об), *ѣѣмѣ и ѣѣилипѣ* (144об), *ѣѣи/ники* (149об), *работѣ ѣѣараѣновѣ* (184).

Несмотря на явное предпочтение писцом Златоуста русских написаний старославянским и греческим, есть несколько случаев, в которых наблюдаются регулярные колебания писца между современными ему нормами письма и написаниями устаревшими, архаизированными. Так, в рукописи встречаем частое, но бессистемное употребление диграфа ѱ после согласных, что является возвращением к более ранним нормам письма (в XIV в. в этих случаях уже устойчиво использовался монограф ꙗ, к концу XV в. – графема ѿ)¹. Приведём примеры таких написаний: по возѡѱху (9), мѡре мѡтѣмо (11), велѣми тѡжѡѹ (22), хрѡминиѡѹ (67), ненавиѡжу (92об), игѡꙋмена (124), прѡмѡрѡсть солѡмоноѡѹ (176об), ѡкѡдѡѹ (216). Оба варианта написания после согласных – ѱ / ѿ – зачастую встречаются в одном слове или словосочетании; причём это редко зависит от позиции конца строки, где писец вынужденно, в целях экономии места, использовал бы графему ѿ: свѡдѡтъѷ (76об), свѡдѡꙋщѷ (78), дрѡѱ дрѡгѡѹ (96об), в мѡжѡ вѣчноюю (137об), вѡꙋдѡща мѡꙋки (140), в сѡвѡтъѷ (170). В позициях начала слова, перед гласной и в предлоге также встречаем употребление ѿ вместо диграфа ѱ, отсылающее к устаревшим на тот момент нормам письма: ѡто ѡтра (95об), навѡниша (103об), со ѡмилиѡниэмз (105), хѡꙋже павѡчины (138), ѡчѡние стѡбе (177), ѡ менѷ не ѡтанѷтсѷ (186), по ѡлицѡмз (201).

Подобную же неупорядоченность писец Златоуста демонстрирует в использовании букв **ѡ** / **ѡ** / **ѡ**. Письменная норма XII–XIII вв. предполагала употребление графемы **ѡ** после согласных, а буквы **ѡ** – в начале слова, после гласных и [j]². На первый взгляд, писец Златоуста следует указанной норме: **смирѡѡѡ** (2), **ѡзы**^к **своѡ** (48об), **кѡпѡ**^т **ѡсти** (52об), **со дѡѡѡѡѡ** (126об), **вѡ** **воѡѡѡ** (150об), **ѡѡѡѡѡ** (203). Однако в

¹ Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 42.

² Древнерусская грамматика XII–XIII вв. Москва: Наука, 1995. С. 31.

Рассмотренные нами графико-орфографические особенности Златоуста позволяют сделать вывод, что в целом писец придерживается русских написаний, явно предпочитая их написаниям южнославянским и греческим. Непоследовательность письма, регулярные колебания между русской и южнославянской графико-орфографическими системами наблюдаются у писца в двух представленных случаях – в употреблении букв ѡ / ѡ / ѡ и ѣ / ѣ.

С точки зрения морфологии рукопись Златоуста отличается большей консервативностью, чем в плане фонетики, графики и орфографии. Подобная ситуация естественна: необходимы значительные временные периоды, чтобы стали заметными «сдвиги» в области морфологии и синтаксиса. Тем не менее, в письменных памятниках мы порой можем наблюдать если не сами эти изменения, то, по крайней мере, переход к ним, «борьбу» прежней и старой норм; подобные наблюдения дают ценный материал для создания целостной картины происходящих в языке изменений. Рукопись Златоуста тоже отражает некоторые из таких переходных морфологических процессов.

В Златоусте, в частности, хорошо представлено влияние склонения с основой на *ѣ на существительные *ѣ-склонения в форме род. падежа мн. числа. «Дело в том – пишет В. В. Иванов, – что исконная форма этого падежа в продуктивном склонении с основой на *ѣ оказалась «невыразительной», ибо она совпадала с формой им. пад. ед. ч. (ср. им. пад. ед. ч. *столь* и род. пад. мн. ч. *без столь* <...>)¹. В склонении же с основой на *ѣ, напротив, род. п. мн. числа имел характерное окончание *-овъ*, отличное от других форм склонения. Видимо, совпадение падежных форм склонения с основой на *ѣ и было причиной того, что в данном типе склонения постепенно укрепилась флексия *-овъ*, присущая существительным на *ѣ. Приведём примеры из Златоуста: *горше жидѡвъ ѡ еретѣ/ковъ* (32об), *ѡ помощниковъ* (99об), *ѡдѡнна грехѡвъ* (123об), *ѡ тѣхъ трѡдѡвъ* (138об), *ѡ пса^мовъ* (160об), *ѡ ѡйниковъ* (162об), *ѡ/жидовъ* (205об). Исконное же окончание склонения на *ѣ в форме род. п. мн. ч. *-ъ* встречается в рукописи крайне редко: *мнѡ/жества врагъ* (37), *ѡ/грѣхъ ѡчѣти* (207об). Влияние *ѣ-склонения на *ѣ-склонение отражено в Златоусте и в формах род. и местн. п. ед. ч., где вместо ожидаемых флексий *-а* и *-ѣ* иногда встречаем окончание *-у*: *ѡ пожарѡу* (45об), *ѡс торгѡу* (53), *ѡс свѣтѡу ѡс слѣца* (140об) (род. п.); *ѡс торгѡу* (52об), *ѡс мирѡ* (159об) (местн. п.). По наблюдениям В. М. Маркова, подобному варьированию флексий подвергались прежде всего соотнесённые с глаголом, обладающие пространственной и собирательно-вещественной семантикой имена².

Ещё один процесс из области существительных наблюдаем в рукописи в формах род. и местн. п. ед. ч. склонения на *ѣ: здесь вместо исконной для этого склонения флексии *-е* регулярно наблюдается окончание *-и*, заимствованное из соответствующей формы *ѣ-склонения. По мнению исследователей, в процессе развития языка обе

¹ Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Москва: Просвещение, 1990. С. 256.

² Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Москва: Высшая школа, 1974. С. 52–54.

флексии стали нормативными для данных форм склонения на *ѹ¹. Однако интересен сам процесс перехода *е* в *и*, сама замена исходной формы заимствованной. В Златоусте наблюдаем преобладание именно «чужой» для данного склонения флексии *-и*: *ѣго крѡви* (56об), *ѣс црѣвѣ* (178об), *не про"ѣти крѡвѣ* (205об), *цѣна крѡви* (20б) (род. п.); в *црѣвѣ* (2об, 29), в' *црѣви* (58), *въ цѣ/ркви** (108), в' *црѣви* (177) (местн. п.). Примеры с исконным окончанием *-е* редки: *въ црѣве* (108об), *ѡверго"са/ѡ любве* (154об); здесь также отмечен ещё один вариант флексии – *ѣ*: в *црѣвѣ* (178). В то же время в формах дат. п. ед. ч. склонения на *ѹ верное окончание *-и* нередко варьируется с флексией *-е* (возможно, под влиянием соответствующей формы *а-склонения: *къ црѣве* (28об), *къ црѣве* (58об, 177), но *къ црѣви** (121об), *къ црѣви* (145об, 168об)).

Склонение существительных с основной на согласный также имеет свои особенности в Златоусте; так, вместо положенной в род. и местн. п. ед. ч. флексии *-е* писец регулярно использует заимствованное из склонения на *ѹ окончание *-и*: *с нѣси* (13, 79, 186), *ѡ нѣси* (16), *ѣс кáмени* (79), *брѣ/менѣ грѣховнаго* (99) (род. п.); *во/плáмени*, *во плáмени* (137об), *на/кáмени* (182об) (местн. п.). Исконная флексия *-е* встречается крайне редко, и то лишь в ошибочном варианте *ѣ*: *с нѣсѣ*, *ѣс кáменѣ* (194об). Небезынтересным является также то, что к формам вин. п. множ. числа существительных среднего рода *ѡ-склонения писец Златоуста иногда прибавляет наращенные, свойственные существительным с основой на согласный: *чрѣвесà своѣ* (84), *делесѣ* (111об). В этом случае исследуемая рукопись вновь отражает характерные для развития русского языка процессы: по наблюдениям исследователей, начиная с XII в. формы с наращением *-ес-* существительных на *ѡ получают широкое распространение в русских письменных памятниках².

Завершая разговор о специфике существительных в Златоусте, отметим ещё одну значимую особенность: в рукописи изредка появляются новые формы им.-вин. п. дв. числа существительных *рука* и *нога*, повторяющие соответствующие формы числа множественного, – *руки*, *ноги*. Хотя прежние формы двойственного числа – со второй палатализацией – явно преобладают, подобные случаи всё же представляются симптоматичными. Приведём примеры: *руцѣ ѡпадѡ/ша* (10), *свазавѣ ѣмѡ руцѣ и нозѣ* (34об), *на нозѣ егѡ* (71), *нозѣ ѣа/ѡмывѣ* (164об), *нозѣ лобзàющие* (198об), но *возложѣ руки своѣа* (86), *двѣ ноги* (93об), *ноги во вáши* (167). Данные примеры показывают, как формы двойственного числа очень медленно, но всё же начинают вытесняться формами множественного, как постепенно формируется двухкомпонентная – более абстрактная по сравнению с трёхкомпонентной – числовая парадигма русского языка.

¹ Древнерусская грамматика XII–XIII вв. Москва: Наука, 1995. С. 224–225.

² Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Москва: Высшая школа, 1974. С. 136.

Итак, рукопись Златоуста отражает медленные, но неизбежные изменения в системе склонений существительных. Что же касается глагольных форм, то здесь, как правило, мы наблюдаем их соответствие принятым парадигмам; сложные формы – сослагательное наклонение, редко использующийся писцом плюсквамперфект, будущее сложное второе время – также употребляются верно. Однако употребление именно одного из прошедших времён можно назвать специфической чертой морфологии Златоуста: никакое морфологическое изменение не встречается в рукописи так регулярно, как перфект без связки. По частоте появления в памятнике бессвязочный перфект не уступает традиционному перфекту со связкой, хотя рукописям церковного и дидактического содержания свойственно употребление именно правильного, связочного перфекта¹.

Приведём примеры употребления перфекта в Златоусте. Перфект со связкой: покорѣлз ѣсть (3), не вре/гѣлз есте (14), напѣталз во сѣ/ѣсте (20об), не прише^а ѣсми (25), ѣсн грави^а (58об), сѣ ѣсн трѣдѣла (74), ѣзошла ѣсн (97об), ѣсмы по крѣпѣнѣ/согрѣшилз (108), во³дохнѣ/ли ѣсте (133об), шлз сѣ/ (138), ѣсмы злѣ сотвори^а (169), вы не разѣмѣли ѣсте (207). Перфект без связки: мнѣго ѡпѣвалзсѣ (6об), пѣтѣцы разнеслѣ (13об), звѣри растерзѣли (15), прогнѣвали (39об), далз ти бѣз (143), стерпѣло морѣ (156), прешла ѣрда^а (160), ѡстѣпѣли ѡ бѣ (169), црѣ [...] бѣга пѣлз (179об), ктѣ согрѣшилз (183об), бѣ [...] потопп^а (184), ты [...] ѡбѣри^а кровню (206об). Отметим также единичные случаи употребления перфекта не только без связки, но и без суффикса -л-: гнѣ^а/ ѣмелз ѣ ѡмерз (21).

Наши наблюдения показывают, что выбор писцом Златоуста традиционной формы перфекта или перфекта без связки не основывается ни на каких устойчивых критериях: ни смысловых, ни формальных. Так, исследователи утверждают, что в церковных и дидактических текстах перфект (особенно традиционный связочный) служил для выражения эмоциональной приподнятости, проповеднического пафоса и высоких христианских устремлений. Поэтому перфект ожидаем, в частности, при описании страданий Христа и мучеников, деяний апостолов и праведников и т. д., тогда как о жизни обычных людей должен был повествовать аорист². Можно было бы также предположить, что для описания сакрального мира использовался связочный перфект, а для более «низких» предметов – перфект без связки. Однако приведённые выше примеры, как и вся рукопись Златоуста, опровергают оба предположения; в Златоусте перфект – со связкой и без неё – одинаково описывает и горный мир, и человеческие прегрешения: сотвори^алз бѣз члѣвѣ (34), сотво/рилз бѣз (40), ѣскаѣсѣлз ѣсть (54), злѣ твори^алз (98об), согрѣшила ѣсн (104об), ѡстѣпѣли ѡ бѣ (169). Нет здесь и привязки к какой-либо определённой форме из парадигмы спряжения, в которой бы бессвязочный перфект встречался особенно часто. Заметим, что один и тот же глагол может употребляться в рукописи в форме как связочного, так и бессвязоч-

¹ Древнерусская грамматика XII–XIII вв. Москва: Наука, 1995. С. 450.

² Там же.

ного перфекта: погрѣвъзъ и погрѣвъзъ еси (8), ра^к лѣ/ты бы^а или свобѣ, но та^к не ра^к еси бы^а ѿ ни^а (211). В частности, на протяжении всей рукописи такие формы регулярно варьируются у глагола *сотворити*: сотвори^алъ (7, 19, 173об), сотвори^а ѣ/сми (25), что са на^а нами не сотворило (41), сотвори^алъ насъ бгѣ (42), сотворили естѣ (47об), есми бгѣ сотвори^а (169). Пока мы не можем объяснить, случайна ли подобная хаотичность форм в пределах одного глагола, или она имеет под собой определённые основания. Общая же непоследовательность в использовании связки в перфекте, не подкреплённая никакими семантическими и стилистическими условиями, является, по-видимому, признаком разрушения этой формы прошедшего времени, на базе которой впоследствии образуется, уже без связки, единая форма прошедшего времени в русском языке. Данные Златоуста позволяют утверждать, что к концу XVI в. прежняя форма перфекта была основательно подорвана – ведь процесс её разрушения явно отражается уже не только в памятниках деловой письменности, светской литературы, но и в сильнее сопротивляющихся изменениям религиозных текстах. В этом свете Златоуст сближается с ещё одной церковной рукописью XVI в. – августовским Прологом, хранящимся в Фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, для которой также характерно варьирование связочной и бессвязочной форм перфекта¹. Таким образом, в рукописи Златоуста зафиксирован один из самых значительных процессов в истории русского глагола.

Выводы

В данной статье нами кратко охарактеризованы графико-орфографические и морфологические особенности Златоуста – письменного памятника конца XVI в. Объём статьи не позволяет нам остановиться на большем количестве языковых особенностей рукописи; однако для того чтобы дать цельное, общее представление о памятнике, достаточно пока указать лишь на наиболее значимые особенности его языка. Как уже отмечалось, специфических языковых черт в Златоусте немного, но все они так или иначе характеризуют состояние русского языка в конце XVI века. На изученных нами языковых уровнях наблюдаются определённые тенденции дальнейшего развития. В графике и орфографии это убедительное преобладание русских вариантов написаний над южнославянскими, редкое использование греческих букв, что подтверждает приведённое выше мнение Л. П. Жуковской о постепенном исчезновении архаизирующих тенденций из русского письма к концу XVI в.; в морфологии – взаимодействие продуктивных и непродуктивных типов склонений существительных, наметившееся вытеснение двойственного числа существительных множественным, а также разрушение старой формы перфекта, постепенная утрата им связки. Происходящие медленно, на первый взгляд незаметно, эти изменения, однако, свидетельствуют о формировании новой системы склонений и времён русского языка, об изменении числовой парадигмы, о всё большем удалении графики и орфогра-

¹ Маркова Т. Д. Особенности употребления форм перфекта в славяно-русском Прологе XVI века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 638.

фии от южнославянских и греческих образцов, об определённом «обмирщении» русского языка, затрагивающем теперь и тексты церковного содержания. Пример Златоуста, таким образом, в очередной раз подтверждает нам, как могут быть значительны, полезны языковые данные одного только рукописного памятника для составления цельной лингвистической картины эпохи его создания.

Список источников

Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва: Древлехранилище, 2000. С. 123–152.

Древнерусская грамматика XII–XIII вв. Москва: Наука, 1995. 520 с.

Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – первой пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. Москва: Наука, 1987. С. 144–176.

Жуковская Л. П. О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (На материале проложного жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. Москва: Наука, 1982. С. 26–59.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Москва: Просвещение, 1990. 400 с.

Лихачева Е. С. Отражение некоторых фонетических процессов в Златоусте конца XVI века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 4 (103). С. 66–77.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Москва: Высшая школа, 1974. 143 с.

Маркова Т. Д. Особенности употребления форм перфекта в славяно-русском Прологе XVI века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 636–638.

Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010. 272 с.

Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Москва: Северный паломник, 2019. 392 с.

Церковнославянский словарь. Для толкового чтения св. Евангелия, Часослова, Псалтири и других богослужебных книг / составитель прот. А. Свирелин. Москва: Дарь, 2013. 384 с.

References

Gal'chenko M. G. O vremeni poiavleniia i kharaktere rasprostraneniia riada grafiko-orfograficheskikh priznakov vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v drevnerusskikh rukopisiakh kontsa XIV – pervoi poloviny XV vv. [On the time of appearance and the distribution nature of some graphic and orthographic features of the second South Slavic influence in Old Russian manuscripts of the late 14th – first half of the 15th century]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka* [Linguistic source studies and history of the Russian language]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2000, pp. 123–152.

Drevnerusskaia grammatika XII–XIII vv. [Old Russian grammar of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1995. 520 p.

Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – pervoi pol. XVI v. (Ob oshibochnosti poniatii «vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie») [Greekization and archaization of the Russian writing of the 2nd half of the 15th – 1st half of the 16th century (On the fallacy of the notion of «the second South Slavic influence»)]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [Old Russian literary language in its relation to Old Slavonic]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 144–176.

Zhukovskaia L. P. O iuzhnoslavianskom vlianii XIV–XV vv. (Na materiale prolozhnogo zhitia Evgenii) [On the second South Slavic influence of the 14th–15th centuries (Based on the Prologue of St. Eugenia life)]. *Iazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda* [Language and writing of the Middle Bulgarian period]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 26–59.

Ivanov V. V. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 400 p.

Likhacheva E. S. Otrazhenie некотorykh foneticheskikh protsessov v Zlatouste kontsa XVI veka [Reflection of some phonetic processes in Zlatoust of the end of the XVI century]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2021, no. 4 (103), pp. 66–77.

Markov V. M. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie* [Historical grammar of the Russian language. Nominal declension]. Moscow: Vysshaia shkola, 1974. 143 p.

Markova T. D. Osobennosti upotrebleniia form perfekta v slaviano-russkom Prologe XVI veka [Some peculiarities of the use of perfect forms in the Slavonic-Russian «Prologue» of the 16th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2010, no. 4 (2), pp. 636–638.

Nenasheva L. V. *Graficheskie i orfograficheskie osobennosti pamiatnikov russkoi pis'mennosti XV veka* [Graphic and orthographic features of the monuments of Russian writing of the 15th century]. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, 2010. 272 p.

Nenasheva L. V. *Rukopisnaia kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeinogo ob"edineniia «Khudozhestvennaia kul'tura Russkogo Severa»* [Manuscript book of the Russian North of the XV–XX centuries in the collection of the State Museum Association «Artistic culture of the Russian North»]. Moscow: Severnyi palomnik, 2019. 392 p.

Tserkovnoslavianskii slovar'. Dlia tolkovogo chteniia sv. Evangelii, Chasoslova, Psaltiri i drugikh bogosluzhebnykh knig [Church Slavonic dictionary. For sensible reading of the Gospels, the Book of Hours, Psalms and other liturgical books: compiled by Protoiereus A. Svirelin]. Moscow: Dar", 2013. 384 p.

Сведения об авторе

Елизавета Сергеевна Лихачева – аспирантка, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>, liza.lihachyowa@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Архангельская область, Россия); **Elizaveta S. Likhacheva** – Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0003-4174-8181>, liza.lihachyowa@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 08.12. 2022.

The article was submitted 11.11.2022; Approved after reviewing 01.12.2022; Accepted for publication 08.12. 2022.